

Въ чемъ увѣряють насъ Паскаль и Боссюэтъ,
Въ Синописи того, въ Степенной Книгѣ
нѣтъ.

Отечество люблю, языкъ я русскій знаю;
Но Тредьяковскаго съ Расиномъ не равняю,—
И Пиндаръ нашихъ странъ тѣмъ слогомъ не
писалъ,

Какимъ Баянъ въ свой вѣкъ героевъ воспѣ-
валъ.

Я правъ, и ты со мной, конечно, въ томъ со-
гласенъ;

Но правду говорить безумцамъ—трудъ напра-
сенъ.

Я вижу весь соборъ безграмотныхъ *славянъ*,
Которыми здѣсь вкусъ къ изящному попрайтъ,
Противъ меня теперь рыкающій ужасно.

Къ дружинѣ вопіетъ нашъ Балдусъ веле-
гласно:

О брати мои, зову на помощь васъ!

Ударимъ на него—и первый буду азъ.

Кто намъ грамматикъ совѣтуетъ учиться,
Во тьму кромѣшную, въ гienну погрузится;
И еще смѣетъ кто Карамзина хвалить,
Нашъ долгъ, о людѣ, злодѣя истребить.“

И такъ, любезный другъ, я смѣло въ бой
вступаю;

Въ словесности расколъ, какъ должно осу-
ждаю.

Аристъ душою добръ, но авторъ онъ дурной,
И намъ отъ книгъ его нѣтъ пользы никакой.
Въ страницѣ каждой онъ слогъ древній вы-
хваляетъ

И русскимъ всѣмъ словамъ прямой источ-
никъ знаетъ;

Что нужды? Толстый томъ, гдѣ зависть лишь
видна,

Не есть лагарновъ курсъ, а пагуба одна.

Въ славянскомъ языкѣ и самъ я пользу
вижу,

Но вкусъ я варварскій гоню и ненавижу.

Въ душѣ своей ношу къ изящному любовь;
Творенье безъ идей мою волнуетъ кровь.

Словъ много затвердить не есть еще ученье:
Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣ-
щенье.

Видите ли: и здѣсь уже люди, объявив-
шіе себя противъ европейскаго образованія,
названы славянами; а далеко ли отъ сла-
вянъ до славянофиловъ? Правда, съ обѣихъ
сторонъ здѣсь споръ чисто литературный, по-
тому что другого тогда и не могло быть; и,
разумѣется, славянофильская партія нашего
времени двинулась дальше своей прароди-
тельницы. А гдѣ было гнѣздо этой старой
славянской партіи?—въ Петербургѣ. Посла-
ніе, изъ котораго мы выписали нѣсколько
стиховъ, написано было въ Москвѣ—цен-
тръ литературной реформы того времени.
Въ послѣднее время славянофильство, какъ
новое направленіе, рѣзко и рѣшительно
провозгласило себя въ московскомъ журна-
лѣ «Москвитининъ»; но и тутъ оно упре-
ждено было въ Петербургѣ: изданіе «Мая-
ка» началось годомъ ранѣе «Москвитинина».
Многіе славянофилы не любятъ вспоминать
о «Маякѣ», какъ будто чуждаются его,
никогда не высказываютъ своего мнѣнія
ни за, ни противъ него; подумаешь, что они

и не знаютъ ничего о существованіи подоб-
наго журнала. А это оттого, что «Маякъ»
былъ самымъ крайнимъ и самымъ послѣ-
довательнымъ органомъ славянофильства.
Вѣрный своему принципу, исходному пунк-
ту своего ученія, онъ никогда не противорѣ-
чилъ ему и логически дошелъ до край-
нихъ, до послѣднихъ своихъ результатовъ.
Онъ не признавалъ ни тѣни истины во всемъ,
что хотъ сколько-нибудь противорѣчило его
основному убѣжденію; и если знаменитѣй-
шихъ представителей русской литературы,
отъ Ломоносова и Державина до Пушкина,
онъ объявлялъ зараженными западной ересью,
вредными и опасными для нравственной
чистоты русскаго общества,—онъ сдѣлалъ
это не по чему другому, какъ по строгой
послѣдовательности, строгой вѣрности на-
чалу своего ученія. Въ немъ все было еди-
но и цѣло, все сообразно съ его направле-
ніемъ и цѣлью: и языкъ, и манера выра-
жаться, и литературное, и художественное
достоинство его стиховъ и прозы. Онъ
больше славянофилъ, чѣмъ «Москвитининъ»,
и потому имѣлъ полное право смотрѣть на
него, какъ на противорѣчивый, непослѣдо-
вательный органъ того ученія, которое во
всей чистотѣ своей явилось только въ немъ,
пресловутомъ «Маякѣ». Но этимъ самымъ,
разумѣется, онъ оказалъ очень дурную
услугу славянофильству, потому что вы-
ставилъ его на позорище свѣта въ его
истинномъ, настоящемъ видѣ; а извѣстно,
что есть предметы, которые стоятъ только
высказать въ ихъ дѣйствительномъ значеніи
и образѣ, чтобы уронить ихъ, хотя это дѣ-
лается иногда и съ цѣлью, напротивъ, под-
нять и повисить ихъ въ глазахъ общества...

Какъ бы то ни было, но изъ всего сказан-
наго нами неоспоримо слѣдуетъ, что на-
зывать славянофильство «московскимъ на-
правленіемъ» отнюдь не слѣдуетъ, потому
что Петербургу славянофильство принад-
лежитъ не только не меньше, но чуть ли
еще не больше, чѣмъ Москвѣ. Отстранявши
отъ Москвы такъ невольно навязывае-
мое ей московскими славянофилами исклю-
чительное право на славянофильство, мы
дѣйствуемъ въ ея пользу, а не противъ нея.
Но точно такъ же мы не согласились бы на-
зывать славянофильство и «петербургскимъ
направленіемъ». Только тогда можно озна-
чить какое-нибудь направленіе именемъ го-
рода, когда оно дѣйствительно есть главное,
исключительное направленіе этого города, а
всѣ другія, существующія въ немъ направле-
нія, являющіяся во второмъ и третьемъ пла-
нѣ, слабы, незначительны, ничтожны. Но
по поводу славянофильства этого нельзя
сказать ни о Петербургѣ, ни о Москвѣ. Въ
томъ или другомъ городѣ жили и дѣйствовали